

A. Lopez

А. П. Чехов. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 2. Рассказы 1882-1885 // Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1960
FB2: "fb2design ", 2011-05-04, version 1.0
UUID: 7B3064EC-CAE0-4789-AF2B-0EDD7B828A28
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Антон Павлович Чехов

Трагик
(Рассказы)

Содержание

#1	0005
Комментарии	0013

Антон Павлович Чехов

ТРАГИК

Был бенефис трагика Феногенова.

Давали «Князя Серебряного»[1]. Сам бенефициант играл Вяземского, антрепренер Лимонадов — Дружину Морозова, г-жа Беобахтова — Елену... Спектакль вышел на славу. Трагик делал буквально чудеса. Он похищал Елену одной рукой и держал ее выше головы, когда проносил через сцену. Он кричал, шипел, стучал ногами, рвал у себя на груди кафтан. Отказываясь от поединка с Морозовым, он трясся всем телом, как в действительности никогда не трясутся, и с шумом задышался. Театр дрожал от аплодисментов. Вызовам не было конца. Феногенову поднесли серебряный портсигар и букет с длинными лентами. Дамы махали платками, заставляли мужчин аплодировать, многие плакали... Но более всех восторгалась игрой и волновалась дочь исправника Сидорецкого, Маша. Она сидела в первом ряду кресел, рядом со своим папашей, не отрывала глаз от сцены даже в антрактах и была в полном восторге. Ее тоненькие ручки и ножки дрожали, глазки были полны слез, лицо становилось все бледней и бледней. И не мудрено: она была в театре пер-

вый раз в жизни!

— Как хорошо они представляют! Как от-лично! — обращалась она к своему папаше-исправнику всякий раз, когда опускался занавес. — Как хорош Феногенов!

И если бы папаша мог читать на лицах, он прочел бы на бледном личике своей дочки восторг, доходящий до страдания. Она страдала и от игры, и от пьесы, и от обстановки. Когда в антракте полковой оркестр начинал играть свою музыку, она в изнеможении закрывала глаза.

— Папа! — обратилась она к отцу в последнем антракте. — Пойди на сцену и скажи им всем, чтобы приходили к нам завтра обедать!

Исправник пошел за сцену, похвалил там всех за хорошую игру и сказал г-же Беобахтовой комплимент:

— Ваше красивое лицо просится на полотно. О, зачем я не владею кистью!

И шаркнул ногой, потом пригласил артистов к себе на обед.

— Все приходите, кроме женского пола, — шепнул он. — Актрис не надо, потому что у меня дочка.

На другой день у исправника обедали артисты. Пришли только антрепренер Лимонадов, трагик Феногенов и комик Водолазов; остальные сослались на недосуг и не пришли. Обед прошел нескучно. Лимонадов все время уверял исправника, что он его уважает и вообще чтит всякое начальство, Водолазов представлял пьяных купцов и армян, а Феногенов, высокий, плотный малоросс (в паспорте он назывался Кныш) с черными глазами и нахмуренным лбом, продекламировал «У парадного подъезда» и «Быть или не быть?». Лимонадов со слезами на глазах рассказал о свидании своем с бывшим губернатором генералом Канючиным. Исправник слушал, скучал и благодушно улыбался. Несмотря даже на то, что от Лимонадова сильно пахло жжеными перьями, а на Феногенове был чужой фрак и сапоги с кривыми каблуками, он был доволен. Они нравились его дочке, веселили ее, и этого ему было достаточно! А Маша глядела на артистов, не отрывала от них глаз ни на минуту. Никогда ранее она не видала таких умных, необыкновенных людей!

Вечером исправник и Маша опять были в

театре. Через неделю артисты опять обедали у начальства и с этого раза стали почти каждый день приходить в дом исправника, то обедать, то ужинать, и Маша еще сильнее привязалась к театру и стала бывать в нем ежедневно.

Она влюбилась в трагика Феногенова. В одно прекрасное утро, когда исправник ездил встречать архиерея, она бежала с трупой Лимонадова и на пути повенчалась со своим возлюбленным. Отпраздновав свадьбу, артисты сочинили длинное, чувствительное письмо и отправили его к исправнику. Сочиняли все разом.

— Ты ему мотивы, мотивы ты ему! — говорил Лимонадов, диктуя Водолазову. — Почтения ему подпусти... Они, чинодралы, любят это. Надбавь чего-нибудь этакого... чтоб прослезился...

Ответ на это письмо был самый неутешительный. Исправник отрекался от дочери, вышедшей, как он писал, «за глупого, праздношатающегося хохла, не имеющего определенных занятий».

И на другой день после того, как пришел

этот ответ, Маша писала своему отцу:

«Папа, он бьет меня! Прости нас!»

Он бил ее, бил за кулисами в присутствии Лимонадова, прачки и двух ламповщиков! Он помнил, как за четыре дня до свадьбы, вечером, сидел он со всей труппой в трактире «Лондон»; все говорили о Маше, труппа советовала ему «рискнуть», а Лимонадов убеждал со слезами на глазах:

— Глупо и нерационально отказываться от такого случая! Да ведь за такие деньги не то что жениться, в Сибирь пойти можно! Женишься, построишь свой собственный театр, и бери меня тогда к себе в труппу. Не я уж тогда владыка, а ты владыка.

Феногенов помнил об этом и теперь бормотал, сжимая кулаки:

— Если он не пришлет денег, так я из нее щепы нащеплю. Я не позволю себя обманывать, черт меня раздери!

Из одного губернского города труппа хотела уехать тайком от Маши, но Маша узнала и прибежала на вокзал после второго звонка, когда актеры уже сидели в вагонах.

— Я оскорблен вашим отцом! — сказал ей

трагик. — Между нами все кончено!

А она, несмотря на то, что в вагоне был народ, согнула свои маленькие ножки, стала перед ним на колени и протянула с мольбой руки.

— Я люблю вас! — просила она. — Не гоните меня, Кондратий Иванович! Я не могу жить без вас!

Вняли ее мольбам и, посоветовавшись, приняли ее в труппу на амплуа «сплошной графини», — так называли маленьких актрис, выходивших на сцену обыкновенно толпой и игравших роли без речей... Сначала Маша играла горничных и пажей, но потом, когда г-жа Беобахтова, цвет лимонадовой труппы, бежала, то ее сделали *ingénue*[2]. Играла она плохо: сюсюкала, конфузилась. Скоро, впрочем, привыкла и стала нравиться публике. Феногенов был очень недоволен.

— Разве это актриса? — говорил он. — Ни фигуры, ни манер, а так только... одна глупость...

В одном губернском городе труппа Лимонадова давала «Разбойников» Шиллера. Феногенов изображал Франца, Маша — Амалию.

Трагик кричал и трясся, Маша читала свою роль, как хорошо заученный урок, и пьеса сошла бы, как сходят вообще пьесы, если бы не случился маленький скандал. Все шло благополучно до того места в пьесе, где Франц объясняется в любви Амалии, а она хватает его шпагу. Малоросс прокричал, прошипел, затрясся и сжал в своих железных объятиях Машу. А Маша вместо того, чтобы отпихнуть его, крикнуть ему «прочь!», задрожала в его объятиях, как птичка, и не двигалась... Она точно застыла.

— Пожалейте меня! — прошептала она ему на ухо. — О, пожалейте меня! Я так несчастна!

— Роли не знаешь! Суфлера слушай! — прошипел трагик и сунул ей в руки шпагу.

После спектакля Лимонадов и Феногенов сидели в кассе и вели беседу.

— Жена твоя ролей не учит, это ты правильно... — говорил антрепренер. — Функции своей не знает... У всякого человека есть своя функция... Так вот она ее-то не знает...

Феногенов слушал, вздыхал и хмурился, хмурился...

На другой день утром Маша сидела в ме-

лочной лавочке и писала:

«Папа, он бьет меня! Прости нас! Вышли нам денег!»

1883

Комментарии

Впервые напечатано в журнале «Осколки», 1883, № 41, 8 октября, с подзаголовком *Историйка*. Подпись: А. Чехонте. В исправленном виде и без подзаголовка вошло в сборник Чехова «Сказки Мельпомены», М. 1884.

Подготавливая рассказ для собрания сочинений, Чехов сделал много стилистических исправлений, заменил некоторые фамилии (Гемофилов стал Финогеновым, Спичкин — Сидорецким). Были внесены изменения также и в характеристики героев. Например, в сборнике было: «Скоро, однако, Маша узнала адрес трупы, изменила мужу, чтобы заработать денег на дорогу, и поехала к Гемофилу». Стало: «...но Маша узнала и прибежала на вокзал после второго звонка, когда актеры уже сидели в вагонах». Было: «Боже мой, как я счастлива! — простонала она. На этот раз она была счастлива. Первый раз за все время своего замужества она была так близка к своему малороссу. Ранее же не было не только объятий, но ни ласкового слова, ни хорошего взгляда. — Боже мой, как я счастлива! — по-

вторила Маша, прижимаясь к мужу». Стало: «Пожалейте меня! — прошептала она ему на ухо. — О, пожалейте меня! Я так несчастна!»

Рассказ был отослан в «Осколки» задолго до его напечатания. Чехов еще в начале августа 1883 г. запрашивал издателя Н. А. Лейкина: «Какова судьба моего „Трагика“? Неплохой рассказ вышел бы, если бы не рамки... Пришлось сузить даже самую суть и соль... А можно было бы и целую повесть написать на эту тему.». О причинах задержки с печатанием известно из писем Лейкина к Чехову: «Вы спрашиваете о судьбе Вашего „Трагика“. Рассказ набран, пропущен цензурой и пойдет в № 33, если Вы к тому времени пришлете еще какой-нибудь рассказец. Дело в том, что при ужасных цензурных условиях я всегда должен иметь у себя запасной набор. Вот я и берегу „Трагика“. Иначе может случиться, что номер не выйдет. Бывает так, что цензор херит 1/3 посылаемого к нему» (4 августа 1883 г.). «Бога ради не смущайтесь тем, что я не печатаю Ваш рассказ „Трагик“. Рассказ прелестен, но великоват, и я все никак не могу его втиснуть» (1 октября 1883 г.).

Из писем Лейкина видно, что он задерживал печатание рассказов еще и потому, что распределял их по сезонно-календарному признаку. Так, в письме от 1 октября 1883 г. он писал Чехову: «„Трагик“ набран и лежит в наборе. Теперь разгар театрального сезона, рассказ является рассказом *à propos*[3], и я его непременно помещу в октябре месяце».

Примечания

1

Драма по одноименному роману А. К. Толстого.

[^^^]

инженю — актриса, исполняющая роли наивной девушки (*франц.*).

[^^^]

кстати (*франц.*).

[^^^]